

С. О. ШМИДТ

**«История государства Российского»
в контексте истории мировой культуры**

...лишь в недавнее время — прежде [всего] в статьях 13 сборника «XVIII век» — стали основательно рассматривать «Историю» Карамзина в системе развития мировой исторической мысли. Проблематика эта многоаспектна; и в данной статье постановочного характера основное внимание уделено самому замыслу Карамзина и форме его осуществления.

Интерес Карамзина к отечественной истории обнаружился рано¹. Свидетельства об этом восходят, по крайней мере, к периоду близости с окружением Н. И. Новикова, много сделавшего для ознакомления читающей публики с памятниками российской истории. Видимо, рано сформировались у молодого мыслителя и убеждение в важности нравственного воспитания историей, и историко-сравнительный подход к явлениям отечественной и зарубежной истории, истории нового времени и далекого прошлого.

Карамзину нетрудно было увидеть, что представление о взаимосвязях российской и мировой истории восходит еще к глубинным традициям русской исторической мысли. В «Повести временных лет» прошлое восточного славянства рассматривается как часть всемирной истории (с корнями, тянущимися к библейским преданиям). С конца XV в. получают распространение хронографы — сочинения летописного типа со сведениями из всемирной и отечественной истории. В многолистном Лицевом летописном своде времени Ивана Грозного половина книг посвящена событиям всемирной истории, и сочинение это использовалось для исторического образования царевичей. Все в большей мере обращается мысль русских публицистов к вопросу о месте Руси во всемирной истории (наиболее известна теория о

Москве — третьем Риме). С XVIII в. заметно внимание к вопросу о сходстве (и несходстве) настоящего и прошлого России с Западом, а также и Востоком и соответственно о формах взаимодействия исторических факторов в разных странах и темпах и особенностях исторического развития по пути к прогрессу.

Начиная с В. Н. Татищева², не говоря уже о старших современниках Карамзина М. М. Щербатове³, И. П. Елагине⁴ и других, вырабатывается опыт подготовки обобщающего типа сочинений по истории России с древних времен, сопровождающихся к тому же примечаниями (преимущественно источниковедческого характера). При этом Татищев и другие ученые, трудившиеся в России в 1730—1740-х годах, обращались, исследуя прошлое Восточной Европы, к первоисточникам и ученым сочинениям и зарубежного происхождения.

И для литераторов и ученых, и для круга образованных вельмож в последней четверти XVIII в. характерно понимание историко-культурной ценности отечественных древностей (показательно в этом плане интенсивное собирание коллекций древних рукописей) и важности составления трудов о прошлом отечества. Стала очевидной и необходимость написания подобных сочинений в стиле, доступном сравнительно широкому слою читателей, также детям. Здесь пример подавали не только в окружении Новикова⁵, но и сама императрица Екатерина II⁶, готовившая, опираясь на собранные для нее первоисточники или выписи из них⁷, «Записки касательно российской истории» для своих старших внуков. Закрепление того направления, которое позднее назовут краеведением, и все учащавшееся обращение к событиям и деятелям прошлого России в произведениях художественной литературы и изобразительного искусства также свидетельствовали о распространении знаний российской истории⁸. И эти факторы, можно думать, имели не меньшее значение при формировании замысла Карамзина заняться сочинением российской истории, чем достигнутый к тому времени уровень развития отечественной исторической науки, облегчавший ему такие занятия (и даже предопределивший зависимость от трудов предшественников, особенно Щербатова).

Интерес к прошлому и настоящему России возрастал и за рубежом. В век Просвещения в Западной Европе в деятельности Петра I видели пример преобразования монархом государственной жизни своей страны. В середине века о преобразованиях Петра I размышляют Монтескье⁹ и Руссо¹⁰ (не говоря о многих других писателях и государственных деятелях), а сочинение о России при Петре I пишет самый прославленный автор тех

лет — Вольтер¹¹ (его Карамзин охарактеризует позднее в «Истории» как «остроумнейшего писателя XVIII века» (I, 33; см. также I, XII *). В последней четверти XVIII в., когда престиж России в Европе стал особенно велик после побед в Семилетней и русско-турецких войнах, а также после «Наказа» Екатерины II и ее всячески рекламируемых переписки и общения с виднейшими из просветителей, усилилось любопытство к познанию веков, предшествовавших петровским преобразованиям. Запросы читателей пытались удовлетворить уже авторы намного меньшей, чем Вольтер, известности и — главное — меньшего масштаба мысли, хотя тоже принадлежавшие по своим общественным взглядам к кругу просветителей, — французы Леклерк¹² и Левек¹³. А так как они жили некоторое время в России, то сочинения их воспринимались и как впечатления очевидцев. Таким изданиям уделяли особое внимание вельможии**, серьезно занятые изучением отечественной истории. Когда Леклерк выпустил в 1783 г. во Франции историю «Древней России» (в очень малой степени опирающуюся на первоисточники) в трех томах и первый том истории России новейшего времени¹⁴, издания стали поводом не только для резкой критики его И. Н. Болтиным¹⁵, но и для изложения им основных взглядов на российскую историю. Главный труд его, опубликованный в двух томах в 1788 г., так и назван «Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка» (не повлияли ли названия книг Леклерка и ответного сочинения Болтина и на заголовок записки Карамзина 1811 г.?).

А еще прежде приглашенный по рекомендации Дидро¹⁶ преподавать в кадетский корпус Левек (С. Р. Ch. Levesque), только там освоивший русский язык, напечатал в пяти томах в 1782—1783 гг. «Историю России», первый том которой был в русском переводе издан типографией Новикова в 1787 г.¹⁷ Это образец достаточно изящной прозы, особенно там, где изображаются исторические деятели и оценивается их деятельность. Не при

* Далее в скобках приводятся ссылки на пятое издание «Истории государства Российского», подготовленное в трех книгах И. Эйнерлингом в 1842—1845 гг. (и воспроизведенное издательством «Книга» в 1988 г.). В скобках указываются римскими цифрами том (или Предисловие), арабскими — страница.

** Выхода этих книг заинтересованно ожидала и императрица, считывая на то, что они будут способствовать укреплению в общественном мнении ее репутации просвещенной монархини. И Екатерина II была крайне разгневана критикой в этих сочинениях деспотизма и крепостнических порядков России.

участии ли Карамзина осуществлено было Новиковым это начинание?

Сочинение о России доставило Левеку место в парижской Академии надписей и словесности и возможность занять кафедру истории в Коллеж де Франс, а затем готовить труды по истории Франции и всемирной истории. Появление почти одновременно этих изданий — верный показатель потребности в такой тематике книжного рынка Франции, а следовательно, и всей Европы в период, когда французский язык был основным международным языком культуры и общения*. Даже русским читателям доступным чтением по истории древней России стала книга Левека. И Карамзину пришлось, указывая, что Левек «посредственный французский писатель», с грустью признать, что его «Российская История, которая хотя имеет много недостатков, однакожь лучше всех других»¹⁸.

Именно знакомство в Париже с Левеком в 1790 г. стало поводом для рассуждений Карамзина о задачах написания российской истории. На эти высказывания как первоначальные в историографических замыслах Карамзина уже давно обращено внимание¹⁹.

Следует привести полностью этот отрывок из письма «Маия ... 1790»: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть, писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием. Тацит²⁰, Юм²¹, Робертсон²², Гиббон²³ — вот образцы! Говорят, что наша История сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло вытти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только Руских, но и чужестранцов. Родословная Князей, их ссоры, междоусобие, набеги Половцев не очень любопытны: соглашаюсь; но за чем наполнять ими целые томы? Что не важно, то сократить, как сделал Юм в Английской Истории; но все черты, которые означают свойство народа Руского, характер древних наших Героев, отменных людей, происшествия действительно любопытныя, описать живо, разительно. У нас был свой Карл Великий:²⁴

* И даже в 1802 г. в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» Карамзин напишет: «Русский, показывая чужестранцу достойные образы наших древних героев, говорил бы ему о делах их, и чужестранец захотел бы читать наши летописи — хотя в Левеке» (*Карамзин Н. М. Избр. статьи и письма. М., 1982. С. 112*).

Владимир;²⁵ свой Лудовик XI;²⁶ Царь Иоанн;²⁷ свой Кромвель;²⁸ Годунов²⁹ — и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшия эпохи в нашей Истории, и даже в Истории человечества; его-то надобно представить в живописи, а прочее можно обрисовать, но так, как делал свои рисунки Рафаэль³⁰ или Микель Анджело³¹. — Левек, как Писатель, не без дарования, не без достоинств; соображает довольно хорошо, рассказывает довольно складно, судит довольно справедливо*; но кисть его слаба, краски не живы; слог правильный, логический, но не быстрый. К тому же Россия не мать ему; не наша кровь течет в его жилах; может ли он говорить о Руских с таким чувством, как Руской?..»³²

«Письма русского путешественника» сыграли огромную роль в творчестве Карамзина и имели первостепенное значение в развитии отечественной культуры³³ и, в частности, исторического сознания русских писателей и читателей рубежа XVIII и XIX вв.

В приведенном выше тексте, напечатанном в начале 1790-х годов, многое кажется знаменательным для тех, кто знаком с «Историей государства Российского», написанию которой Карамзин стал полностью отдавать силы лишь с 1803 г. Очевидно, что еще задолго до того, как он официально сделался историографом, у Карамзина сложилось представление о принципиальных установках обобщающего труда о российской истории, причем во взаимосвязи и с явлениями всемирной истории и с сочинениями зарубежных историков. Более того, он сразу же полагал необходимым написать такое сочинение, которое окажется привлекательным и для иностранцев («чужестранцов»).

Карамзин считал вслед за такими своими предшественниками, как Татищев, Ломоносов³⁴, Новиков, что древняя история России достойна описания отнюдь не менее, чем история других стран. Здесь он прямо вторит М. В. Ломоносову, утверждавшему во вступлении к своей книге «Древняя Российская история»: «...всяк, кто увидит в Российских преданиях равные дела и Героев, Греческим и Римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать дол-

* Карамзин не мог не знать об отрицательном отзыве о сочинении Левека Екатерины II. Она писала об этом не только в письме к барону Гримму, но и в предисловии к «Запискам касательно Российской истории», начавшимся издаваться в 1783 г. Уже в этом отзыве Карамзина чувствуется его самоуважение и подчеркивается внутренняя независимость от мнения монарха.

жен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым Греческие и Латинские писатели своих Героев в полной славе предали вечности»³⁵. И приводит сопоставления из истории средних веков и нового времени, выделяя эпохи отечественной истории, важнейшие в «истории человечества» (позднее в своей «Истории» Карамзин не раз станет сопоставлять события и деятелей российской истории — Владимира I, Ивана III³⁶, Афанасия Никитина³⁷, Ивана IV и других — и всемирной истории, отмечая аналогии и различия).

Большинство западноевропейских, да и русских читателей полагали в ту пору, что понятная им история России началась с эпохи Петра I. Карамзин же утверждает, что уже древнерусские летописи содержат интересный материал, достойный пера историка и внимания читателя. Правда, тут же он пишет, что «одна только ревностная, деятельная воля и беспредельная власть Царя Русского могла произвести такую внезапную быструю перемену», исходя из сформулированной им мысли: «Избирать во всем лучшее есть действие ума просвещенного, а Петр Великий хотел просветить ум во всех отношениях», объявив «войну нашим старинным обыкновениям». Известно, что позднее, в «Записке о Древней и Новой России», Карамзин несколько иначе оценит значение содеянного Петром I. И это явилось следствием не только страха перед революционными преобразованиями, напоминавшими насилия Французской революции и империи (о чем выразительно сказал В. О. Ключевский³⁸ и как отмечали и прежде него и особенно часто повторяли позднее), но и постепенно все более глубокого овладения материалом по российской истории, понимания того, что корни петровских начинаний должно искать в прошлом, в допетровской Руси (то же произойдет и с Пушкиным в последние годы его жизни по отношению к истории Древней Руси, и особенно ее литературы)³⁹.

Не ограничивается Карамзин и событиями государственно-политической истории и действиями ее героев, но полагает нужным — возможно, не без воздействия идей Гердера⁴⁰, Рейналя⁴¹ и др. — охарактеризовать черты, означающие свойства «народа» (и впоследствии в «Истории» окажутся выделенными главы о древних народах, о «физическом и нравственном характере славян», о законах и обычаях Средневековой Руси * и

* Могло иметь значение и знакомство с книгой Бартеlemi «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции», напечатанной в Париже в 1788 г., вызвавшей восхищение читателей и переведенной на мно-

соответственно отмечены исторические источники, содержащие такие сведения). Это в значительной степени предопределило его суждения о том, что о русских должен писать житель России, человек, воспитанный на обычаях русского народа. Причем это отнюдь не показатель узконационалистической позиции Карамзина, так как именно на той же и следующих страницах письма от «Маия ... 1790» Карамзин в связи с оценкой реформ Петра Великого замечает с авторскими подчеркиваниями: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им в след друг за другом. <...> Все *народное* ничто перед *человеческим*»⁴².

Быть может, именно за рубежом, когда мысль, как это нередко бывает, с любовью обращается к отдаленному в тот момент отечеству, когда сопоставляется свое и иноземное и особенно хочется, как он выразился, «сравняться» и «превзойти», у Карамзина и выкристаллизовалась идея посвятить себя подготовке к написанию образцовой «Российской истории».

Уже тогда Карамзин осознал, что таким сочинением сможет стать только то, в котором естественно совмещаются философский подход к явлениям прошлого, владение научно-исследовательской методикой и литературные достоинства изложения. И искал для себя образцы, которым можно следовать в отборе исторического материала и искусстве историоописания.

Подбор имен отнюдь не случаен. Это — историки-мыслители века Просвещения, с сочинениями которых связывают утверждение «философской истории». Любопытно, однако, что из ряда таких авторов названы только британские историки, труды которых действительно наиболее высокие достижения науки XVIII в. в плане осмысления событий конкретной истории⁴³. (Возможно, впрочем, что тем самым выражалось и отношение Карамзина к стране с традиционно-конституционным строем государственного управления.) Карамзин уже тогда стал участвовать, как верно отмечает Г. П. Макогоненко, в общеевропейской борьбе мыслителей Франции, Англии, Германии за новую философию истории⁴⁴. Карамзин сам признавал себя «философом-историком»⁴⁵. Положениям «философской исто-

гие языки. В сочинении известного французского археолога живо описывается семейная и общественная жизнь древних греков. Карамзин беседовал с ним в Париже, и эта встреча в Академии описана в том же письме, где и цитируемые рассуждения о задачах написания российской истории, в 1791 г. Карамзин помещает рецензию на книгу Бартеlemi в «Московском журнале» (Ч. 1. Кн. 1).

рии» века Просвещения он будет следовать, готовя к печати все 12 томов своей «Истории», оставаясь до конца дней своих и запоздалым сторонником политики просвещенного абсолютизма.

При этом для Карамзина особенно важен «нравственный Закон». Во время беседы с Карамзиным Кант⁴⁶ (первый из знаменитых иностранцев, которого посетил «русский путешественник») назвал этот закон «совестью, чувством добра и зла»⁴⁷. «Закон нравственный», по Карамзину, обязателен и для государя при самодержавном правлении, являясь основанием истинной политики; «самовластие» же есть отступление от норм такого закона (и при самодержавном и при республиканском правлении) и потому обличается Карамзиным (например, характеристика Ивана Грозного в «Истории»). Карамзина из областей знания, близких с историей, более всего привлекала нравственная философия и та, которую ныне называем политологией. А из замечательных предшественников он выделял Томаса Мора⁴⁸ — знаменитого мыслителя и канцлера, распространяя и на самого себя высокие требования нравственности. «...я уверен, что дурной человек не может быть хорошим автором», — писал Карамзин в 1794 г.⁴⁹ Потому-то и из историков древности Карамзину особенно близок Тацит*. О нем он пишет не раз в «Письмах русского путешественника» и позднее (в 1797 г. в стихотворении «Тацит»), наконец, формулирует в «Предисловии» к «Истории»: «“Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!” есть правило Гения» (Предисловие, с. XII). Для Карамзина, видимо, закон нравственный казался выше политического⁵⁰.

Но Карамзин был русский человек и готовился к созданию труда, предназначенного, конечно, прежде всего современному ему русскому читателю, «ибо каждый век, каждый народ даёт особенные краски искусному Бытописателю» (Предисловие, с. XII). Карамзин впитал в себя основные элементы отечественных традиционных представлений, восходящих и к исконным простонародным основам и к нравственно-религиозным, унаследованным из творений мыслителей древности и раннего средневековья. Потому-то «История» Карамзина оставалась в дореволюционной России всегда доступной людям разных сословий

* Тацит — тот мыслитель, которого тогда признавали и сторонником монархии и противником тирании (см.: *Кнабе Г. С. Корнелий Тацит*. М., 1981. С. 4). Не здесь ли один из путей к пониманию «парадоксов» Карамзина и того, что он сам называл себя и монархистом и республиканцем?

и сделалась одной из основ юношеского чтения. «Я возрос на Карамзине», — писал в 1870 г. Ф. М. Достоевский⁵¹. От «Истории государства Российского» устанавливаются и линии связи с сочинениями, характерными для русской нравственной (или религиозно-нравственной) общественно-исторической мысли XIX—начала XX в.

«История» Карамзина явилась в этом смысле сплавом характерных черт достижений и многовековой восточнославянской культуры, и представлений западноевропейских мыслителей, и специалистов-историков XVIII в. (а также их отношения к античному культурному наследию). А. И. Тургенев верно охарактеризовал в своем дневнике Карамзина как «единственного полного представителя не нашего, но европейского просвещения в России, соединенного в нем с познанием всего отечественного, познанием, коему можно уподобить только одну любовь его к отечеству»⁵².

«История государства Российского» отражала основы убеждений Карамзина, сложившихся еще в молодые годы и нашедших воплощение тогда и в «Письмах русского путешественника». Тем более что Карамзин, думается, принадлежал к таким натурам, о которых точно написал Н. Г. Чернышевский:⁵³ «Человек с самостоятельным умом, достигнув умственной зрелости и выработав себе известные основные убеждения, обыкновенно остается навсегда проникнут их содержанием, и эта основа всех мнений остается у него навсегда одинаковою, как бы не менялись окружающие его факты... Он может сделаться человеком отсталым, не переставая быть верен себе»⁵⁴.

Употребленное Карамзиным понятие «критика» было в то время уже достаточно распространено в научной терминологии. Этот термин означал в понимании ученых рубежа XVIII—XIX вв., в частности А.-Л. Шлецера — «мужа ученого и славного» (Предисловие, с. XIII), совокупность приемов, обеспечивающих возможность различать достоверное и недостоверное в исторических свидетельствах и тем самым показывать научную — прежде всего источниковедческую — состоятельность выводов и наблюдений автора. Труд по написанию «Российской истории» Карамзин мыслил с самого начала как научный труд и этой цели достиг.

У Карамзина свой стиль и научной работы, и ее внешнего оформления. Некоторым суждениям даже источниковедческого порядка он отводит место в основном тексте. Однако все основное сосредоточено в примечаниях, а их 6548! Примечания стали энциклопедией и хрестоматией для ученых — историков и

тех, кто занимается специальными (вспомогательными) историческими и филологическими дисциплинами. Знаменитый палеограф и составитель «Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневский⁵⁵ утверждал в своих лекциях по палеографии в Петербургском университете еще в 1870-х гг., что «Карамзин как исследователь былых судеб России был тем же, что Петр Великий как строитель судеб ее будущего: ибо должны были не забыть ничего». И далее: «Карамзин — историк, это значит, Карамзин-палеограф, нумизмат, хронолог, генеалог и т. д. и т. д., во всем исследователь, во всем критик, во всем требовательный... Забывать эту сторону в Карамзине — значит не понимать Карамзина...»⁵⁶ Н. Г. Чернышевский, которому чужда основная историко-государственная концепция историографа, и он не раз писал об этом, отмечает, что Карамзин «сообщил своему труду, с одной стороны, высокое литературное достоинство, с другой стороны, не заменимое ничем достоинство архива»⁵⁷.

Особое значение при написании «хорошей» «российской истории» Карамзин придавал самой манере историописания, литературно-художественному мастерству. Задуманный им труд предназначался так называемому широкому читателю. Он ставил перед собой великие просветительские цели приобщения этого читателя к истории нашего Отечества. Труды же его предшественников — даже столь фундаментальные, как у Татищева и Щербатова, — были написаны в таком стиле, что и на родном языке и в переводе могли стать доступными лишь тем, кто уже имел определенный уровень исторических знаний. Это отмечали не только Пушкин и его современники, но и позднее Белинский⁵⁸, Герцен⁵⁹ и другие, характеризуя новаторскую роль «Истории» Карамзина. Карамзин-ученый неизменно чувствовал себя и писателем, художником слова. И цель его была также неизменной, начиная с издания первых переводов, журнала «Детское чтение для сердца и разума» — родоначальника отечественной детской литературы, первых художественных и очеркового характера публицистических произведений. А. В. Луначарский⁶⁰ отмечал: «С Карамзиным ... начал вырабатываться тип дворянина-интеллигента, пытающегося всеми мерами расширить круг своих читателей и так или иначе разбудить еще спящие слои народа за пределами узкодворянских столичных кругов»⁶¹.

Размышления Карамзина о том, как следует писать исторические и философские труды, отражены на многих страницах «Писем русского путешественника», его сочинений начала

XIX в. и, наконец, в знаменитом Предисловии к «Истории государства Российского», датированном 1815 г.

Издание журналов помогло ему познать вкусы, по словам И. И. Дмитриева⁶², «читателей обоих полов, молодых и старых»⁶³. Карамзин, напомним через полвека А. И. Герцен, «был первым русским литератором, которого читали дамы»⁶⁴. Вероятно, уже и Карамзин понял, подобно Пушкину, что образованные женщины читают больше, чем мужчины. И воспитанным на романах XVIII в. (как и мать пушкинской Татьяны Лариной) первым читательницам «Истории государства Российского» эти книги, особенно последние четыре, оказались вполне по силам.

И такому чтению не должны были стать помехой примечания. Они Карамзиным, в отличие от книг предшественников, вынесены не под строку*, а в конец каждого тома. Это не отвлекает глаз от основного текста, не мешает скорому чтению, не отпугивает привыкших к быстрому перелистыванию страниц романов читателей и читательниц. Причем примечания сосредоточены компактно, что позволяет и их воспринимать как единое целое — двенадцать томов основного текста для чтения всеми, двенадцать томов примечаний — для ученых или людей, склонных к научным занятиям.

Важно наблюдение Карамзина: «...одна земля произвела и лучших Романистов и лучших Историков. Ричардсон⁶⁵ и Фильдинг⁶⁶ выучили Французов и Немцов писать романы как *историю жизни*, а Робертсон, Юм, Гиббон, влияли в Историю привлекательность любопытнейшего романа, умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и слогом. После Фукидида⁶⁷ и Тацита ничто не может сравняться с Историческим Триумвиратом Британии»⁶⁸. Карамзин старался объять опыт и исторического (ученого), и романического повествования и приложить это затем в своей «Истории». И наблюдения эти все накапливались. В последние годы жизни, уже работая над книгами «Истории», Карамзин с особым вниманием и чувством воспринимал романы Вальтера Скотта⁶⁹, оказавшего, как известно, большое влияние на историков 1820—1830-х гг.

* А там они находятся даже в блистательно написанной «Естественной истории» (Histoire naturelle generale et particuliere) Бюффона, получившего за свой повсеместно прославленный многотомный труд титул графа от французского короля. Не напоминает ли это «мо» тех лет, когда Карамзина называли «графом Истории»?

В «Истории» развивающееся «действие», свойственное романам, к которым были уже приучены в «хорошем обществе» (где читали их преимущественно на французском языке), органически соединится под пером Карамзина с характерным для древнерусской культуры биографизмом⁷⁰, отраженным и в житийной литературе, в Четьих-Минеях (с которых начиналось зачастую семейное чтение). К традициям древнерусской словесности и следовавшим ей русских историков XVIII в. можно отнести и приемы изложения, близкие к летописным, точнее, составителей хронографов (приходят на память в этой связи слова Пушкина о Карамзине: «последний летописец»). В начале XIX в. в России образованные люди были хорошо знакомы и с биографиями, написанными древними классиками, Плулархом⁷¹ и другими. Не следует думать, однако, что стиль «Истории государства Российского» Карамзина — это какое-то эклектическое смешение разных воздействий. Вовсе нет. Это — естественное сочетание многого освоенного из разных источников. У каждого великого есть предтеча, и зачастую не один. Но только великий оказывается способен воплотить в органическом целом (аккумулировать — накопить) многое ранее разрозненное и ставшее теперь этапом для дальнейшего развития. Лишь такие сочинения становятся вехами в движении культуры.

В статье к столетию первого издания томов «Истории» Карамзина (1916 г.) Б. М. Эйхенбаум⁷² правильно подчеркнул, что «к истории Карамзина привели долгие эстетические опыты и философские размышления»⁷³. Можно добавить еще — и штудии исторические, точнее, историографические, источниковедческие, археографические, в частности освоение опыта крупнейших русских архивистов Г. Ф. Миллера⁷⁴ и Н. Н. Бантыш-Каменского⁷⁵. В предисловии к «Истории» названы имена знаменитейших тогда историков, и античных (Геродот⁷⁶, Фукидид, Ливий⁷⁷, Плиний⁷⁸, Тацит), и Макиавелли⁷⁹, и писавших в XVIII в. (Вольтер, Робертсон, Юм, Шлецер, Мюллер⁸⁰), а также и менее известных авторов трудов по истории Испании, Германии, Франции, Швеции (Предисловие, с. XII, примечание).

Карамзин сопоставил эти труды, примеривался к возможностям использования приемов их авторов. И, замыслив написать «целую Историю народов» (Предисловие, с. XII, примечание. Курсив мой. — С. III.), историю «единственной Державы»; «народа, который снискал господство над седьмою частию мира», где «и смесь ея жителей, разноплеменных, разнородных, и столь удаленных друг от друга в степенях образования» (Пре-

дисловие, с. X), он понимал особую, несравнимую с трудами предшественников грандиозность своего замысла.

Приближение к занятиям историей как основным для него прослеживается у Карамзина в статьях в «Вестнике Европы» начала XIX столетия — в выборе тем и трактовке событий, в рассуждениях политического и нравственного характера, в пропаганде веры в силу просвещения, в самом слоге, отличавшемся уже от манеры, которой написана «Бедная Лиза».

И потому готовность Карамзина отдаться сочинению «Российской истории» не вызывала удивления. Первый русский писатель в момент возрастания интереса к истории и должен стать первым русским историком — Историографом. Историческое повествование для всех не казалось тогда еще отъединенным от остальной литературы для всех — от *belles-lettres*^{*81}. Никто другой и не мог бы решиться тогда на такой подвиг. Ни у кого из известных в России людей не доставало для этого ни сил, ни знаний.

Карамзин с самого начала поставил перед собой несколько задач: не только «открыть» читателю прошлое России, укрепить его историческую образованность и воздействовать на его нравственность и общественно-политическое сознание, но и утвердить его представление о характере новой литературы, воспитать его языковый вкус. То было высокое «искусство истории»⁸², когда долг ученого, не дозволяющего «себе никакого изобретения» и стремящегося подтвердить источниковедчески «достоверность» поисков «духа и жизни в тлеющих хартиях» (Предисловие, с. XIII), органически совмещался со следованием дорогим ему и этическим и эстетическим нормативам и даже творением грамматических форм. Именно это позволило Карамзину создать «героический эпос» (определение Б. М. Эйхенбаума).

В истории мировой культуры «История государства Российского» — редчайший пример, когда великий памятник исторической мысли воспринимается и как великий памятник художественной литературы, или великий памятник беллетристики является и великим историческим трудом. Разве что в античности это напомним Фукидида и Тацита, любимых авторов Карамзина. Но они размышляли о недавнем прошлом, Карамзин же сумел так написать о событиях, отделенных от него столетиями.

Для Карамзина-писателя вопросы композиционного и стилистического оформления «Истории государства Российского»

* изящной словесности (*фр.*).

имели первостепенное значение. Только это могло обеспечить достижение им поставленной перед собой цели — написания «Российской истории» для всех. «История государства Российского», сохраняя огромную ценность научного труда, оставалась и для самого автора, и для читателя всегда и произведением художественной литературы. И так продолжала восприниматься в 1830-х годах даже Пушкиным — когда он погрузился в «историографию» и много размышлял над творением Карамзина-историка — и находившимся в Сибири декабристом В. К. Кюхельбекером^{*83}, и молодым В. Г. Белинским. Позднее великий успех «Истории» Белинский объяснит «превосходным беллетристическим талантом» Карамзина⁸⁴. Отношение к «Истории» Карамзина как к классическому образцу русской словесности было закреплено позднее в лучших школьных хрестоматиях и учебно-методических пособиях (К. Д. Ушинского⁸⁵, А. Д. Галахова⁸⁶, В. И. Водовозова⁸⁷, В. Я. Стоюнина⁸⁸, Л. И. Поливанова⁸⁹ и др.).

Появление «Истории государства Российского» приобрело особое общественное звучание после победоносной борьбы с Наполеоном. Это хорошо объяснил в статье 1846 г. критик В. Н. Майков:⁹⁰ «Потребность отечественной истории — необходимое следствие пробуждения народного самосознания — получила силу и живость необыкновенную. Вопросы о значении России, о ее настоящем, прошедшем и будущем, о том, чем она была, есть и должна быть, зашевелились в образованной части общества. <...> В это время явилась “История” Карамзина; ее ожидали с таким нетерпением, что первое издание было расхватаано менее чем в двое суток. Кто беспристрастно изучал это творение, тому, конечно, известно, что оно написано с мыслью — показать, что история России ничем не хуже, а во многих отношениях и лучше историй других европейских народов. <...> Можно себе представить, какой эффект должно было произвести такое сочинение в эпоху только что возникшего вопроса о прогрессивном движении России!»⁹¹ И действительно, пушкинские слова о реакции общества Петербурга на издание первых восьми томов «Истории» Карамзина подтверждаются многими другими свидетельствами. Но среди этих первых читателей бы-

* Кюхельбекер, подчеркнув в дневнике 1833 г. несогласие с «мнениями Карамзина — историческими, литературными, философическими», отмечает при этом: «А должно сознаться, что прозою у нас никто лучше его не пишет и не писал». И сделал это под впечатлением прочитанного отрывка из 8-го тома «Истории» (Кюхельбекер В. К. Путешествия. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 268).

стро выявились основные группы — те, кто читал действительно заинтересованно и достаточно остро реагировал на появление этого труда (как будущие декабристы), литераторы, немногие лица, специально занимавшиеся историей⁹², и те, кто читал потому, что это стало модным и изданию покровительствовал император (это живо отражено в воспоминаниях Ф. Ф. Вигеля⁹³ о Петербурге и А. И. Герцена о Москве того времени)⁹⁴.

«История» была и учеными знатоками и наиболее образованными лицами в правящей элите оценена как сочинение, могущее соперничать с лучшими историческими трудами западноевропейских авторов. Это сразу заметил, в частности, человек очень осведомленный в зарубежной исторической, правоведческой и философской литературе, — М. М. Сперанский⁹⁵. Он писал из Пензы, благодаря друга своего за присылку первых восьми томов «Истории государства Российского»: «Я ничего не знаю ни на английском, ни на французском языке превосходнее или вообще прекрасней» — и поставил Карамзина «в ряду первейших писателей Европы»⁹⁶. Тома «Истории государства Российского» были еще при жизни автора переведены на французский, немецкий, английский, итальянский, польский языки (позднее и на другие), и переводы эти получили десятки отзывов в зарубежной прессе.

Из перевода этого сочинения немецкий историк Ф.-К. Шлоссер⁹⁷ в 1840—1850-х гг. черпал сведения о России для своей «Всемирной истории», на основании чтения которой К. Маркс⁹⁸ составлял «Хронологические выписки». Еще прежде знаменитый тогда немецкий публицист Л. Берне⁹⁹ назвал Карамзина «великим историком», «мастерское произведение» которого «достойно своего предмета»¹⁰⁰, а французский литератор-путешественник маркиз А. де Кюстин¹⁰¹ в напумевшей книге 1843 г. «La Russie en 1839» усмотрел в «Истории» Карамзина противосамодержавные высказывания¹⁰². Поскольку сочинение Карамзина стало известно читателям на Западе, А. И. Герцен в 1850 г. в написанном по-французски адресованном зарубежному читателю сочинении «О развитии революционных идей в России» счел необходимым отметить «великий труд Карамзина» и подчеркнуть, что его «История» «весьма содействовала обращению умов к изучению отечества»¹⁰³.

К «Истории» Карамзина хотели приобщить и великие культуры Востока. «История» была частично переведена в 1820-х годах и на китайский язык. Работа осуществлялась Захаром Федоровичем Леонтьевским (1799—1874) — членом Российской духовной миссии в Пекине. Помимо экземпляров рукописи пе-

ревода, поднесенных в Петербурге (университету, Публичной библиотеке, Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел и Азиатскому музею), видимо, был еще белой экзemplар, поднесенный китайскому императору¹⁰⁴.

Карамзин закрепил обычай публичного чтения историками ими написанного. Напомнил о значении этого на первой же странице «Предисловия» к «Истории»: «На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков» (Предисловие, с. VIII). И не было бы выступлений Карамзина с чтением глав своей «Истории» еще до их издания (и информации об этом, в том числе и в его же письмах), русская публика оказалась бы менее подготовленной к возможности такого общественного звучания и культурного значения публичных лекций Т. Н. Грановского¹⁰⁵.

Издание «Истории государства Российского» сыграло исключительную роль в приобщении широкого читателя в России не только к историческим знаниям и документальным публикациям¹⁰⁶, но и вообще к научным знаниям, и в ознакомлении его с тем, что такое научный аппарат, и в чем его значение. Этот факт немало значил для воспитания в обществе уважения к науке, к труду ученого (во всяком случае, ученого-гуманитария). Это приохотило и к ознакомлению с научными спорами, с дискуссиями в науке. Интерес к «Истории» Карамзина предопределил интерес и к «критике» ее*. Обсуждение ученых трудов заняло с тех пор прочное место в рассчитанной на широкого читателя «журнальной литературе». Так состоялась в России встреча науки и широкой публики.

«История государства Российского» Карамзина способствовала формированию и распространению знаний на огромном пространстве нашей страны, стала на многие годы доминантой в представлениях наших соотечественников о своей истории и вообще о том, что такое история¹⁰⁷. Книги «Истории» Карамзина — и основной текст и примечания — во многом предопределили ход дальнейшего изучения прошлого России (даже возражения Карамзину стимулировали такое исследование) и стали источником размышления и вдохновения для многих писателей (Лев Толстой¹⁰⁸ выборочно перечитал «Историю» в двадцатипя-

* Так, росту известности в среде русских читателей выдающегося польского историка И. Лелевеля в значительной степени способствовали его статьи об «Истории государства Российского» в петербургском журнале «Северный архив» в 1822—1824 гг. (Попков Б. С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты. М., 1974. С. 22).

тилетнем возрасте, рассуждал о ней в старости; для Достоевского последние четыре тома «Истории» до конца жизни оставались любимым чтением), художников кисти и резца, композиторов и актеров. Белинский верно заметил, что Карамзин своей «Историей» призван был «проложить дорогу, чтобы гениальные писатели в разных родах не были остановлены на ходу своим необходимою предварительных работ»¹⁰⁹.

А за рубежом сочинение это воспринималось не только как источник сведений о прошлом России, но и как показатель развития русской исторической мысли и художественной литературы. Пушкин не без основания писал: «...наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина»¹¹⁰. Карамзин сумел «сравняться» с высокими образцами мировой историографии, а, быть может, в чем-то ее и «превзойти».

